

I. СЛОВО О ВОЙНЕ И МИРЕ

***

Отец, а у нас снова осень...
У нас – все, что ты видел, любил. –
Вот и речка... В ней малые рыбки,
Потомки тех королей подводного царства,
Которых ты усмирял подсечкою мощной.
Совсем не похоже на наше, уже ее ребячье царство,
Где сирота – вовеки Король одиночеств...
Отец, а у нас теперь осень...
Сколько их во мне, надо мной без тебя?
Что ж ты, Бог, не донес мне его из-под сосен,
Из окопов кровавых в лавине огня?
Да ведь как бы ты, отец, бросил
Тех парней, меж какими лежал –
Не бежал, а был жив меж живыми,
А меж мертвыми – мертвым,
И из этой единой солдатской судьбы
Тянулся ко мне, к маме, к яблоням
В нашем саду ...
А у нас – семьдесят пятая осень,
И тебе уж неслышными залпами весен
Салютует страна: я к тебе
По России свободной иду!

МАЙ 45-го: ЕВРОПА

Запах вербены и гаснущих листьев,
Незнакомой помады, эхо духов.
Говоренье на всех языках. Непониманье.
Глухая тоска, ретроспективно и проспективно,
А по-русски – вперед и назад...
И ты, словно знак всей Европы поверженной,
Что-то Ich... что-то Io... что-то I... что-то Je...,
Когда еще рано, когда уже поздно,
Когда мы нашу встречу увидели,
Словно бабочку в струях дождя...
Не понимая, что встреча – прощанье.

ТОПОРИК

Топорик, найденный в окопе,
Имел особенную сталь.
Его не продал и не пропил
Тот, кто шагал с ним в злую даль.
А тот лежал тихонько рядом,
Так радуясь, что я нашел
Пяток костей, не тронутых снарядом,
И думал: «Вот, все хорошо.
Тот парень сменит топорище,
Поняв, что стали крепче нет,
И срубит дом далекий мой дружище –
Мне памятника лучше нет!»

ДЕТИ ВОЙНЫ

Они не помнили войны,
Но всю ее душой впитали...
И горький мякиш тишины
Щербатым детским ртом жевали.
Они потом шли напролом
В иных боях своей отчизны –
И по другим делам щербатым ртом
Врагам заказывали тризны.

***

Мы прятались в воронке от снаряда
В надежде, что туда не попадет.
И, правда, било где-то рядом –
То недолет, то перелет...
Но Бога побелевшими губами
Я за спасенье не спешил благодарить:
Тот злой обстрел со многими друзьями
Успел меня навеки разлучить.

У ПОРТРЕТА ПОГИБШЕГО ОТЦА

Гордо смотрит отец
на то, что сделал он
и его друзья.
Горько смотрит отец
на то, что сделали
мы и я.
Гордо смотрю
на отца,
радуюсь: я –
его сын!
Мы с ним –
одного лица.
Но он
не дожил до седин...

***

*Памяти моих учителей –
ветеранов Великой Отечественной войны*

Они входили в наши классы,
Медалями еще не отзвенев.
Они работали, не зная слова «касса»,
А зная только песни той напев:
«Расцвели яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой...».
И я конспектами шуршал, их слушая,
Печалился – ну что ж я не такой?
Нет, не такой, как строгие мужчины,
Еще не деды – гарны молодцы!
И плакал я потом не без причины:
Где же вы теперь, познания отцы,
Которые учили нас не букве,
А сути бывших, да и нынешних времен,
Чтоб мы потом, как будто в ночь на Буге,
Не изменяли цвету пламенных знамен.

ДИАЛОГ НА ХАНУКУ
(памяти жертв Холокоста)

– Что же ты не поешь, моя скрипка?
– Да ведь у тебя, мой друг, меня нет...
Меня в дальнем краю
разорвало снарядом.
Как же спою,
когда нет тебя рядом?
– Да я же, вот, у ног твоих.
Я – пепел, я – всюду.
Я – вечность, я – миг...
Я был. Но я ведь и буду?
– Будешь, будешь, любимый мой!
К тебе придут нерожденные наши дети
и скрипку найдут, бывшую мной, –
и я с ними спою тебе на рассвете!

***

Если будет война,
я нарисую голубку,
белую-белую,
как у Пикассо,
тихую-тихую,
эту paloma blanca,
и она утишит все пушки.
Если будет война,
я нарисую тебя
в белом-белом
свадебном платье, –
помнишь?
Ты будешь,
словно японка
в ее кимоно,
ты будешь
японский журавлик –
помнишь? –
И тогда опадут
черные пеплы,
и упадут все
черные звезды –
запомни!
Я тебя не отдам
этому миру.
И этот мир
не отдам – этим!

***

Наказание за нелюбовь –
Нет страшнее наказанья:
Что к нему ты ни готовь –
Не положишь в Божьи длани
Всех несбывшихся надежд,
Плачей всех и одиночеств,
Всех бессонниц, горьких вежд,
Нерождений и богинь без отчеств...

***

В глазу вороньем отражаясь,
Я медленно вершу свой круг,
Но не хочу, чтоб сжала жалость
Сердца друзей, сердца подруг.
Я просто меряю шагами
Унылые пределы бытия
И повторяю, что слагали
В конце пути поэты до меня.

***

Встает заря над кручами Смоленска,
И новый день сбегает уж к Днепру,
Златые купола одаривая блеском
И крепость освежая на ветру.
Наш град, как повелось в России, –
Щит для Москвы и меч для вражьих орд,
Которым ничего мы не простили.
Горд наш Смоленск, красив и тверд!

***

Век двадцатый. Развилка дорог
или партия шахмат патовая.
Вот подходят ко мне Маяковский и Блок,
Вот – Марина, Сережа, вот – Анна Ахматова.

Я, как нить Ариадны, держу имена
этих вечных звезд путеводных,
потому что грядут времена
юных душ, до слова голодных.
И они, как молитвы, прочтут
Те тома в чистоте незапятнанной.
Верю: новые звезды взойдут,
Но не знаю имен: еще тлеют за партами...

***

Когда-нибудь в тихой обители
Меня спросят: «А Вы Христа видели?» –
И я вопрошавшим отвечу:
«Да, видел. Но доказать нечем.
Кроме подвига моей матери;
Кроме нищих, поющих на паперти;
Кроме солдатиков, павших
За Родину их и за нашу...;
Кроме создателей Спутника;
Кроме ГУЛАГовских узников;
Кроме деток Чернобыльских
И тех, кого взяли без обыска.
Ну, а правда моя проста:
В этих людях я видел Христа!»

ВСТРЕЧА

Сгоревшими глазами светских львиц
В меня вперяются старухи.
Я в линиях морщин иссохших лиц
Читаю знаки боли и разлуки.
Но все-таки, как блестка родника,
Пусть уж не бьющего струей упругой,
Вдруг улыбнулась мне издалика
Ты, женщина, не ставшая подругой...

***

Я все окна до дыр проглядел,
Но тебя не увидел нигде.
Ты, быть может, в небе плыла,
Но мы – не Париж, где мода была,
Чтобы вверх выходило окно.
Проглядел... Мне теперь все равно.

***

Над нашим селом восходили дымы...
Печки топились деревом трудодневым.
Затирку белую трескали мы
И теснились друг к другу под одеялом тканевым.
День начинался с ласканья телка,
С его мокрым носом и глазом бездонным,
С родного шершавого языка,
И с молока его мамы в побитом бидоне.
Ах, Бидонвиль моих бедственных детств,
Жизнь без отца, но с дедами и тетями –
На изыски прочих искусств и естеств
Не променяю великую оперу,
В какой петухи утром выше Карузо,
И запах коров ароматней «Шанели»,
А «кукурузников» пыльное пузо
Дороже дырявящих небо гигантских изделий.
Наши деды и дяди тесали нам лыжи,
А отцы не успели – они не вернулись,
Но не поэтому я взял да и выжил,
И не потому, что кормились мы с улиц.
А потому, что не было крепче
Уз наших с божеским миром,
И пусть он порой был тусклым и сырим –
Все же был он любовью увенчан.
Вот почему, как бывало когда-то,
Я в небе ищу дымы наших печек:
Там облаков золотые телята
Гуляют в компании белых овечек.

МОИМ РОДНЫМ СОБАКАМ

Сторожа вы мои, сторожа!
В дом родной я вступаю, дрожа,
Словно пуля, летит влажный нос,
Чтоб пронзить мой потрепанный торс.
Ах, караты влюбленных глаз! –
Боже, звери, кем я был бы без вас?!

II. ДУШИ НЕБРОСКИЕ НАБРОСКИ (четверостишия)

***

Перед Божьей красотой мироздания
все наши шедевры – пустяк,
а великие наши писанья –
как первый ребячий шаг!

***

Сколь со многими я старался,
сколь со многими я не смог;
сколь со многими я срастался,
сколь со многими был одинок...

***

Я видел мертвую деревню –
она теперь живет во мне,
как наши древние поверья,
как звезды в темной вышине.

***

Не удостоишь меня взглядом,
улыбкою не удостоишь,
но за одну минуту рядом
ты всей Вселенной стоишь!

***

Коснись меня пером гусиным,
Бессмертный вдохновитель мой,
И смелым росчерком дай силы
Понять стихов российских строй!

***

Поэзия, мой друг, есть ремесло.
Она, фактически, есть дело,
И коль его ты делаешь умело,
То и читателю с тобою повезло!

***

Завтра снова воскресенье.
Сколько ж их, скажи, Христос,
И Голгоф и Вознесеный,
Пережить тебе пришлось!

***

Люблю Смоленск той русскою любовью,
что мне отцом и матерью дана.
Доколе Днепр кривою водит бровью, –
у нас – прямые времена!

***

Кто хоть раз над изгибом Днепровским
целовал Одигитрии лик, –
сквозь велик богомазов росчерк
ко Спасителю тихо приник.

***

Кто однажды проснулся в Смоленске
и над храмом узрел облака,
тот коснулся тайны вселенской
и свой век обмакнул в иные века!

***

Моя священная война
с самим собой и внешним миром
не в наказание мне дана,
а для совершенствования лиры.

***

Упоительность бездорожья,
Право дольше побыть с тобой...
Даже лошадь забыла про вожжи
И в росистый ушла травостой...

***

Последним клином дни мои
За горизонт неведомый уходят.
И эти птицы, эти дни
Покорны Богу и природе.

***

Не сбываются приметы:
краше не было рябины, –
а у нас зимою – лето,
а у нас средь лета – зимы.

***

Над Смоленском, да над Днепром
То ли колокол бьет, то ли гром,
То ли мир, то ль война, на минуту устав,
Встают снова у переправ...

***

Сколько радости, столь и печали –
Я помню: собак заводил,
Но более помню, как все мы рыдали
У безымянных собачьих могил...

***

Я – без отца, его могилы.
Вот только миг – и он придет.
О, Господи, дай только силы –
Вновь сосчитать: который год?

***

Я вторгаюсь в свое одиночество,
Словно в обжитый с детства дом,
И живу, презирая пророчества,
И памяти текст разбирая с трудом.

***

От меня останется пять строк:
Вот родился, вот учился, вот женился,
Вот – что смог, вот – что не смог;
Вот – где за «не смог» я извинился.
Вот почему мне улыбнулся Бог!

***

Боюсь не успеть, потерпеть неуспех,
Боюсь показаться успешным.
И потому за себя и за всех
Увязваю в работе крошечной.

***

Из всех бегов, богов и берегов,
Из всех небес в высокой сини,
Из храмов всех, в них возлетевших слов –
Я выбираю только лишь Россию!